

DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.3

УДК 331.5 | ББК 65.240

© Попов А.В.

МАСШТАБЫ И ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ НЕСТАНДАРТНОЙ ЗАНЯТОСТИ В СУБЪЕКТАХ РФ

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПОПОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

г. Вологда, Российская Федерация

e-mail: ai.popov@yahoo.com

ORCID: [0000-0002-4803-1354](https://orcid.org/0000-0002-4803-1354); ResearcherID: [1-8785-2016](https://orcid.org/1-8785-2016)

В условиях нарастания глобальных вызовов, оказывающих непосредственное воздействие на развитие экономики и общества, вопросы занятости населения приобретают особую актуальность. Подтверждением этому служит возникновение широкой дискуссии о будущем сферы труда и, как следствие, формирование большого количества противоречивых сценарных моделей, так или иначе декларирующих становление нового облика трудовых отношений. Несмотря на институциональные различия между странами, трансформационные сдвиги в практиках участия населения в оплачиваемой общественно полезной деятельности повсеместно прослеживаются на протяжении последних десятилетий. Под влиянием множества факторов, обусловивших изменение спроса и предложения на труд, традиционная для индустриальных экономик XX века стандартная модель занятости начала отходить на второй план, уступая место гибким формам трудовых отношений. В силу дефицита исследований, посвященных особенностям развития данного процесса в субъектах РФ, целью настоящей статьи стало определение динамики и масштабов распространения отдельных форм нестандартной занятости на региональном уровне. К их числу были отнесены: неполная, сверхзанятость, занятость в неформальном секторе, вторичная, занятость в личном подсобном хозяйстве и не по найму. Проведенный анализ показал, что распространение нестандартной занятости происходит неравномерно как в субъектах РФ, так и в разрезе ее конкретных форм. Наибольшее распространение получила занятость в неформальном секторе, масштабы которой составляют порядка 20%. Среди остальных форм трудовых отношений выделяются только неполная и сверхзанятость, а также

Для цитирования: Попов А.В. Масштабы и особенности распространения различных форм нестандартной занятости в субъектах РФ // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 4. С. 43–62. DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.3

For citation: Popov A.V. The scale and features of spreading various forms of non-standard employment in Russia's entities. *Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25, no. 4, pp. 43–62. DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.3

занятость не по найму. Важно подчеркнуть, что нестандартная занятость затрагивает прежде всего наименее благополучные с точки зрения экономического развития субъекты страны (за исключением сверхзанятости). Основное ограничение проведенного исследования связано с использованием исключительно данных официальной статистики, что заметно сужает спектр рассматриваемых аспектов занятости населения, однако позволяет приблизиться к пониманию масштабов и территориальных различий динамики явления.

Нестандартная занятость, регионы России, рынок труда, занятость, неполная занятость, сверхзанятость, неформальный сектор, вторичная занятость.

Введение

Вопросы распространения нестандартных форм занятости относятся к числу наиболее обсуждаемых последствий трансформации системы социально-трудовых отношений. Учеными и практиками подчеркивается глобальный характер данного процесса, однако особенно наглядно он проявляется в промышленно развитых государствах, где еще в прошлом веке были нормативно закреплены базовые принципы наемного труда, касающиеся большинства работников [1, с. 12–13]. В развивающихся странах нестандартная занятость всегда охватывала значительную долю населения, впрочем, даже там сейчас наблюдается сокращение сегмента стандартных рабочих мест¹. Согласно оценкам Международной организации труда, в настоящее время стандартная модель занятости все меньше отражает реальное положение дел в сфере труда и охватывает менее 25% глобальной рабочей силы². В российской практике³ данное соотношение находится на уровне 70–80% и имеет тенденцию к снижению [2, с. 28].

По своей сущности нестандартная занятость представляет собой обобщающее понятие, характеризующее трудовые отношения, которые отклоняются от стандартных условий труда [3, с. 341–342]. При этом их перечень может выглядеть как весьма емкий

набор элементов (например, бессрочный трудовой договор и высокая степень социальной защищенности работника [4, с. 130] или полная и постоянная занятость⁴), так и иметь более детальное описание: «занятость по найму в режиме полного рабочего дня на основе бессрочного трудового договора на предприятии или в организации, под непосредственным руководством работодателя или назначенных им менеджеров» [2, с. 3]. Как правило, отсутствие какого-либо одного из обозначенных признаков свидетельствует о том, что мы имеем дело с нестандартной занятостью. Такая точка зрения широко распространена в научных кругах, в результате чего данный концепт зачастую рассматривается сквозь призму стандартных трудовых отношений, определяющих все дальнейшие различия в его понимании. В то же время можно с уверенностью говорить о существовании достаточно консолидированной позиции относительно форм нестандартной занятости. В основном речь идет о временной и неполной занятости, многосторонних трудовых отношениях, самозанятости, надомной работе и т. д. В последние годы все более актуальной становится занятость на цифровых платформах⁵. Связующим звеном для каждого из обозначенных примеров является гибкость трудовых отношений [5], причем не только для работников, но и

¹ Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects. ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_534326.pdf (accessed 29.06.2021).

² World Employment and Social Outlook 2015: The Changing Nature of Jobs. ILO. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_368626.pdf (accessed 29.06.2021).

³ Маслова Е.В. Регулирование нестандартной занятости населения в Российской Федерации: теоретико-методологические и практические вопросы: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2018. 414 с.

⁴ Non-Standard Employment. LMIC. URL: <https://lmic-cimt.ca/projects/work-words/non-standard-employment> (accessed 29.06.2021).

⁵ Non-standard forms of employment. ILO. URL: <https://www.ilo.org/global/topics/non-standard-employment/lang--en/index.html> (accessed 29.06.2021).

для работодателей. Не случайно в периоды социально-экономической нестабильности отмечается заметный рост масштабов нестандартной занятости [6; 7]. Однако данный тренд помимо позитивных моментов несет в себе и множество угроз, связанных прежде всего со снижением устойчивости положения работников и появлением нового социального класса – прекариата [8, с. 52].

Изучение процесса дестандартизации занятости сопряжено с рядом сложностей, препятствующих формированию целостного представления о его динамике. С одной стороны, международные и отечественные базы данных включают сведения лишь об отдельных, ставших уже традиционными формах занятости (неполная, временная, самозанятость и т. д.) и слабо отражают современные тенденции в силу устойчивости методологии исследования, а также проблем сбора интересующей информации. В частности, материалы официальной статистики демонстрируют ограниченность в отношении оценки масштабов надомной работы и платформенной занятости. В этом плане инициативные социологические опросы способствуют расширению спектра затрагиваемых аспектов, однако зачастую не позволяют проводить сравнительный анализ, в особенности на международном уровне. С другой стороны, существует немало различий в составе и содержательном наполнении самих показателей, которые, хотя и имеют одинаковое наименование, на деле нередко обладают национальной спецификой.

В отечественной науке встречаются работы, посвященные оценке масштабов нестандартной занятости в России⁶ как на федеральном [2], так и на региональном уровне (Свердловская, Омская, Вологодская области [9–11] и другие регионы). В них не только анализируются отдельные показатели распространения тех или иных форм трудовых отношений, но и рассчитываются интегральные характеристики, отражающие общую ситуацию на рынке труда. В то же время можно отметить дефицит исследова-

ний, в рамках которых рассматриваются вопросы изучения динамики и масштабов нестандартной занятости в разрезе субъектов РФ. Это и послужило мотивом подготовки данной статьи, приглашающей к дискуссии об особенностях протекания процесса дестандартизации занятости в стране.

Важным методологическим аспектом работы, определяющим логику последующих рассуждений, является выбор информационной базы. Для достижения поставленной цели мы воспользовались данными Федеральной службы государственной статистики, которые, с одной стороны, предоставляют наиболее широкие возможности для проведения межрегионального сравнительного анализа, а с другой – ограничивают ракурс исследования заданными формами нестандартной занятости. С учетом имеющихся в этой области наработок нами был сформирован следующий перечень: неполная занятость, сверхзанятость, занятость в неформальном секторе, вторичная занятость, занятость в личном подсобном хозяйстве и не по найму (*табл. 1*). Расчет показателей осуществлялся в относительном выражении. Временные границы исследования в полной мере продиктованы доступностью информационной базы и охватывают период 2001–2019 гг. Для удобства интерпретации полученных результатов нами применялись табличный (отображение динамики показателей) и графический (формирование общей картины) методы.

Основные результаты

Неполная занятость

Проведенный анализ показал, что в 2001–2019 гг. масштабы неполной занятости в России несколько сократились, достигнув уровня 5% от общей численности работников (*табл. 2*). Как правило, подобного рода практики являются следствием соглашения между работником и работодателем, в то время как иные случаи, например, когда инициатива исходит только от работодателя, встречаются гораздо реже [12, с. 367]. В ре-

⁶ Маслова Е.В. Регулирование нестандартной занятости населения в Российской Федерации: теоретико-методологические и практические вопросы: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2018. 414 с.

Таблица 1. Перечень используемых в статье показателей, характеризующих отдельные формы нестандартной занятости

Форма занятости	Описание	Источник
Неполная занятость (расчетный)	Занятость, при которой продолжительность рабочей недели составляет менее 30 часов по основному месту работы	Сборник «Рабочая сила, занятость и безработица в России», раздел «Рабочее время»
Сверхзанятость (расчетный)	Занятость свыше 40 часов в неделю по основному месту работы	Сборник «Рабочая сила, занятость и безработица в России», раздел «Рабочее время»
Занятость в неформальном секторе (нормативный)	Занятость в одной из производственных единиц неформального сектора, критерием определения которых является отсутствие государственной регистрации в качестве юридического лица	Сборник «Рабочая сила, занятость и безработица в России», раздел «Занятые в неформальной секторе»
Вторичная занятость (расчетный)	Занятость, при которой индивид выполняет другую работу или имеет другое доходное занятие, кроме той, которую считает для себя основной	Сборник «Рабочая сила, занятость и безработица в России», раздел «Занятость»
Занятость в личном подсобном хозяйстве (расчетный)	Занятость в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства для продажи или обмена	Сборник «Рабочая сила, занятость и безработица в России», раздел «Занятость»
Занятость не по найму (расчетный)	Занятость, в ходе которой люди выполняют работу, определенную как «работа на собственном предприятии, в собственном деле». Показатель объединяет работодателей, самозанятых, членов производственных кооперативов, помогающих на семейном предприятии	Сборник «Рабочая сила, занятость и безработица в России», раздел «Занятость»

Источник: Рабочая сила, занятость и безработица в России: сб. 2020. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B20_61/Main.htm

Таблица 2. Масштабы распространения неполной занятости в субъектах РФ в период 2001–2019 гг., %

Ранг	Субъект РФ	Год			Изменение за 2001–2019 гг., п. п.
		2001	2009	2019	
	Россия в целом	7,0	7,3	5,2	-1,8
1	Чеченская Республика	–	5,3	28,5	–
2	Республика Дагестан	24,3	23,7	22,0	-2,3
3	Республика Ингушетия	4,8	14,0	17,9	13,1
4	Кабардино-Балкарская Республика	14,3	20,7	16,8	2,5
5	Республика Алтай	7,4	8,0	14,6	7,2
6	Тамбовская область	12,2	15,2	13,9	1,7
7	Республика Северная Осетия – Алания	13,4	16,0	10,5	-2,9
8	Алтайский край	7,9	9,1	10,2	2,3
9	Омская область	9,0	8,3	9,7	0,7
10	Республика Мордовия	8,4	18,7	9,5	1,1
	...				
46	Вологодская область	6,8	4,0	4,5	-2,3
	...				
71	Самарская область	4,9	7,8	3,1	-1,8
72	Тюменская область	7,1	5,1	2,8	-4,3
73	Республика Башкортостан	7,2	11,0	2,6	-4,6
74	г. Москва	3,9	3,9	2,4	-1,5
75	Хабаровский край	7,3	6,1	2,4	-4,9
76	Ивановская область	6,1	6,5	2,3	-3,8
77	Камчатский край	3,1	4,7	2,2	-0,9
78	Магаданская область	8,4	0,8	2,0	-6,4
79	г. Санкт-Петербург	3,3	3,3	1,8	-1,5
80	Чукотский автономный округ	4,2	2,6	0,9	-3,3
	Максимальное значение	24,3	23,7	28,5	–
	Минимальное значение	2,7	0,8	0,9	–
	Коэффициент вариации	45,9	50,2	71,4	–

Источник: данные Росстата.

Рис. 1. Уровень распространения неполной занятости в субъектах РФ, 2019 год

гиональном разрезе показатель неполной занятости демонстрирует высокую неоднородность, которая со временем только усилилась за счет смещения прежде всего его верхней границы. В 2019 году коэффициент вариации составил 71%, а различия между крайними субъектами (1% в Чукотском автономном округе и 29% в Чеченской Республике) увеличились до 31,7 раза. Среди территорий с наибольшим приростом неполной занятости в относительном выражении можно отметить республики Чечню (+23,2 п. п.⁷), Ингушетию (+13,1 п. п.) и Алтай (+7,2 п. п.). Ситуация в Вологодской области во многом соотносится со среднероссийским трендом: за рассматриваемый период значения данного индикатора сократились с 7 до 5% (-2,3 п. п.), в результате чего регион занял 46 место среди 80 субъектов РФ.

Как видно из рис. 1, по состоянию на 2019 год подавляющая часть регионов (71) входит в группу территорий с относительно низким уровнем распространения неполной занятости (менее 9,5%). Средний уровень (от 9,5 до 19%) наблюдается в респуб-

ликах Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Алтай и Северной Осетии – Алании, а также в Тамбовской и Омской областях, Алтайском крае. Республики Чечня и Дагестан – единственные субъекты с относительно высокой долей работников (более 19%), занятых неполную рабочую неделю. Из этого следует, что феномен неполной занятости в России носит скорее локальный характер и едва ли является отражением трансформационных процессов в системе социально-трудовых отношений. Об этом, в частности, свидетельствуют данные о средней продолжительности отработанного времени на одного работника, динамика которых не претерпевает существенных изменений на протяжении последних десятилетий (1933 часа в 1992 году против 1965 часов в 2019 году). В странах – членах ОЭСР этот показатель, напротив, имеет устойчивую тенденцию к снижению (с 1829 до 1726 часов) при заметном росте производительности труда⁸, что исключает тезис о спаде деловой активности как первопричине развития неполной занятости.

⁷ Относительно 2009 года.

⁸ OECD.Stat. URL: <https://data.oecd.org> (accessed 29.06.2021).

Таблица 3. Масштабы распространения сверхзанятости в субъектах РФ в период 2001–2019 гг., %

Ранг	Субъект РФ	Год			Изменение за 2001–2019 гг., п. п.
		2001	2009	2019	
	Россия в целом	9,1	8,1	5,9	-3,2
1	Курганская область	17,9	14,0	18,1	0,2
2	Томская область	21,9	25,0	16,6	-5,3
3	Республика Дагестан	15,1	18,8	15,5	0,4
4	Еврейская автономная область	11,7	2,4	14,7	3,0
5	Иркутская область	15,2	11,7	13,7	-1,5
6	Кемеровская область	10,9	8,8	13,4	2,5
7	Республика Тыва	10,4	20,6	13,2	2,8
8	Калининградская область	5,4	10,9	13,2	7,8
9	Алтайский край	15,9	9,1	12,6	-3,3
10	Магаданская область	6,3	4,1	11,1	4,8
	...				
50	Вологодская область	9,8	5,2	5,1	-4,7
	...				
71	Ивановская область	7,1	7,1	1,8	-5,3
72	Липецкая область	1,4	0,9	1,5	0,1
73	г. Москва	1,2	2,1	1,5	0,3
74	г. Санкт-Петербург	10,6	7,0	1,5	-9,1
75	Тамбовская область	6,3	2,4	1,3	-5,0
76	Республика Ингушетия	2,2	8,4	1,2	-1,0
77	Орловская область	9,4	3,7	0,7	-8,7
78	Чукотский автономный округ	18,4	9,7	0,3	-18,1
79	Пензенская область	7,3	5,2	0,1	-7,2
80	Курская область	8,7	5,2	0,1	-8,6
	Максимальное значение	21,9	25,0	18,1	–
	Минимальное значение	1,2	0,9	0,1	–
	Коэффициент вариации	49,5	69,0	60,0	–

Источник: данные Росстата.

Сверхзанятость

Распространение сверхзанятости в современной России также характеризуется отрицательной динамикой: с 2001 по 2019 год значения показателя уменьшились на 3,2 п. п., составив 6% общей численности работников (табл. 3). Важно подчеркнуть, что в отличие от неполной и других форм занятости данное явление трактуется с позиций сугубо негативного влияния на рынок труда [13, с. 82–83], в результате чего наблюдаемые тенденции могут быть оценены позитивно. В то же время в академическом сообществе обращается внимание на несовершенство имеющейся статистики, по-

скольку на многих предприятиях переработанные часы не учитываются в отчетности [14, с. 35]. В этой связи реальное положение дел в стране может быть несколько хуже. В частности, согласно опросам ВЦИОМ, почти половина россиян (49%) работает более 40 часов в неделю⁹.

Возвращаясь к официальным оценкам, можно увидеть, что в 2019 году наибольшие масштабы сверхзанятости были зафиксированы в Курганской (18%) и Томской (17%) областях, Республике Дагестан (16%), а наименьшие – в Курской и Пензенской областях, Чукотском автономном округе (менее 1% в каждом случае). Коэффициент вариации

⁹ ВЦИОМ выяснил, сколько россиян работают сверхурочно // ВЦИОМ. URL: <https://ria.ru/20210429/rabota-1730550216.html> (дата обращения 29.06.2021).

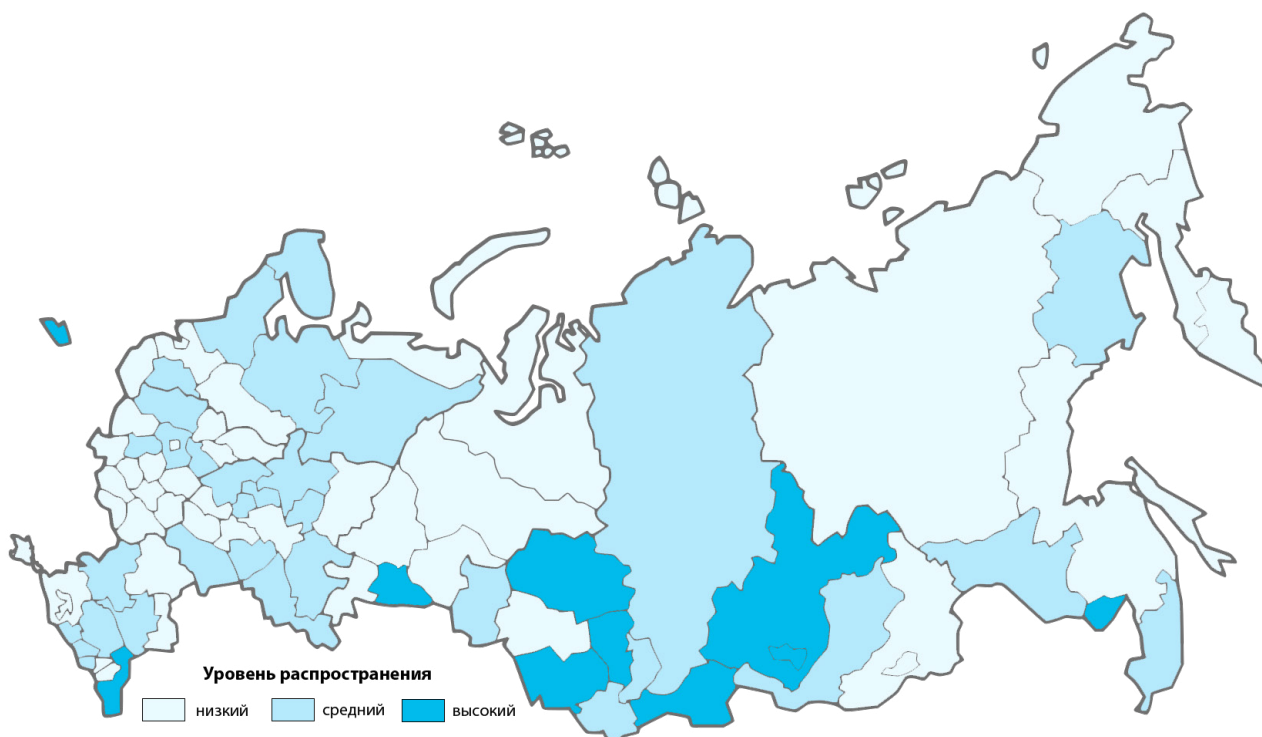

Рис. 2. Уровень распространения сверхзанятости в субъектах РФ, 2019 год

ции после некоторых колебаний достиг 60%, что позволяет сделать вывод о гетерогенности выборочной совокупности. Ситуация в Вологодской области в полной мере отражает общенациональную специфику. В 2019 году регион занимал 50 место со значением индикатора 5% (против 10% в 2001 году).

В целом распределение субъектов РФ по уровню распространения сверхзанятости выглядит следующим образом: 9 регионов имеют относительно высокий уровень (более 12,1%), 32 – средний (от 6 до 12,1%), 39 – относительно низкий (менее 6%; рис. 2). Географическое расположение каждой из обозначенных групп по территории страны является весьма равномерным. Исключение составляют в основном регионы с относительно высоким уровнем распространения сверхзанятости, концентрирующиеся в южной части России. При этом большинство из

них (5) относятся к Сибирскому федеральному округу. Для объяснения причин такой ситуации требуется проведение дополнительных исследований.

Стоит отметить, что, несмотря на последовательное принятие Международной организацией труда конвенций № 1 «Об ограничении рабочего времени на промышленных предприятиях до восьми часов в день и сорока восьми часов в неделю» (13 июня 1921 года)¹⁰, № 30 «О регламентации рабочего времени в торговле и в учреждениях» (29 августа 1933 года)¹¹, № 47 «О сокращении рабочего времени до сорока часов в неделю» (23 июня 1957 года)¹², в глобальной перспективе при анализе чрезмерной продолжительности рабочего времени ориентиром до сих пор выступает занятость свыше 48 часов в неделю¹³. В этом плане РФ характеризуется одной из наиболее благоприятных

¹⁰ Конвенция 1 // ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c001_ru.htm (дата обращения 29.06.2021).

¹¹ Конвенция 30 // ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c030_ru.htm (дата обращения 29.06.2021).

¹² Конвенция 47 // ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c047_ru.htm (дата обращения 29.06.2021).

¹³ Lee S., McCann D., Messenger J. Working time around the world: trends in working hours, laws and policies in a global comparative perspective. ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/@publ/documents/publication/wcms_104895.pdf (accessed 29.06.2021).

Таблица 4. Масштабы распространения занятости в неформальном секторе в субъектах РФ в период 2001–2019 гг., %

Ранг	Субъект РФ	Год			Изменение за 2001–2019 гг., п. п.
		2001	2009	2019	
	Россия в целом	14,3	19,5	20,6	6,3
1	Чеченская Республика	–	44,7	62,1	17,4
2	Кабардино-Балкарская Республика	29,0	36,4	49,8	20,8
3	Республика Ингушетия	20,3	44,6	49,1	28,8
4	Республика Дагестан	37,9	46,9	47,0	9,1
5	Республика Алтай	15,9	29,2	41,3	25,4
6	Ставропольский край	19,3	29,5	37,2	17,9
7	Карачаево-Черкесская Республика	33,9	41,5	37,2	3,3
8	Республика Бурятия	21,5	30,6	36,1	14,6
9	Краснодарский край	18,7	25,7	33,9	15,2
10	Астраханская область	19,5	29,8	32,1	12,6
	...				
31	Вологодская область	14,1	19,1	25,1	11,0
	...				
71	Свердловская область	10,7	16,6	15,3	4,6
72	Республика Коми	9,4	12,9	14,6	5,2
73	Калужская область	15,4	15,1	14,1	-1,3
74	Тюменская область	12,0	14,1	13,0	1,0
75	Московская область	9,0	10,0	12,3	3,3
76	Хабаровский край	13,4	11,9	11,8	-1,6
77	г. Санкт-Петербург	4,5	2,6	9,2	4,7
78	Мурманская область	11,4	9,9	6,9	-4,5
79	Чукотский автономный округ	8,0	6,8	5,5	-2,5
80	г. Москва	2,6	6,0	4,0	1,4
	Максимальное значение	37,9	46,9	62,1	–
	Минимальное значение	2,6	2,6	4,0	–
	Коэффициент вариации	38,4	39,4	40,9	–

Источник: данные Росстата.

ситуаций в мире: по состоянию на 2016 год значение показателя не превышало 3% общей численности занятых (для сравнения: 6% в Норвегии, 9% в Нидерландах, 11% во Франции, 16% в США, 30% в Республике Корея)¹⁴.

Занятость в неформальном секторе

С начала 2000-х гг. занятость в неформальном секторе в России демонстрирует устойчивую тенденцию к росту (табл. 4). В 2019 году значения показателя увеличились с 14 до 21%, вплотную приблизившись к максимуму, ко-

торый наблюдался несколько лет назад (-0,6 п. п. относительно 2016 года). При этом важно подчеркнуть, что подобное развитие событий едва ли носит отчетливо негативный оттенок, поскольку, согласно методическим пояснениям Росстата, подавляющее большинство хозяйствующих субъектов неформального сектора осуществляет свою деятельность в правовом поле (как правило, только небольшое количество предприятий находятся «в тени»)¹⁵. В связи с этим рассматриваемый показатель выступает как отражение развития некорпоративной экономики.

¹⁴ Employment distribution by weekly hours actually worked. ILOSTAT. URL: <https://ilostat.ilo.org/data> (accessed 29.06.2021).

¹⁵ Рабочая сила, занятость и безработица в России – 2020. Занятые в неформальном секторе. Предисловие // Росстат. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B20_61/Main.htm (дата обращения 29.06.2021).

Рис. 3. Уровень распространения занятости в неформальном секторе в субъектах РФ, 2019 год

Весьма противоречивой представляется ситуация с занятостью в неформальном секторе, если обратиться к региональному опыту. Так, в 2019 году ее уровень варьировался от 4% в г. Москве до 62% в Чеченской Республике, из чего следует, что в одних субъектах данный феномен крайне редко встречается на практике, а в других – к нему прибегает около половины всех работников. Вместе с тем расчет коэффициента вариации свидетельствует о наиболее однородном распределении территорий среди обозначенных в статье индикаторов (41%). Причины этого могут заключаться в особенностях социально-экономического развития страны, которые не только препятствуют формализации малого предпринимательства [15, с. 30–31], но и способствуют сохранению широкой «прослойки» самозанятых, вынужденных хоть как-то зарабатывать себе на жизнь [16, с. 26], что особенно актуально в условиях ухудшения материального благополучия населения в последние годы¹⁶.

В результате занятость в неформальном секторе остается достаточно распространенным способом осуществления трудовой деятельности (за исключением буквально нескольких территорий: г. Москва и г. Санкт-Петербург, Чукотский автономный округ, Мурманская область). При этом в отдельных регионах зафиксировано значительное увеличение масштабов такой занятости (+28,8 п. п. в Республике Ингушетии, +25,4 п. п. в Республике Алтай, +20,8 п. п. в Кабардино-Балкарской Республике и т. д.), а в других – уменьшение (7,4 п. п. в Курганской области, 5,7 п. п. в Пензенской области, 4,5 п. п. в Мурманской области и т. д.). На Вологодчине неформальный сектор является источником заработка для каждого четвертого работника (31 ранг), что на 11,0 п. п. выше уровня 2001 года.

В общей сложности занятость на предприятиях без образования юридического лица характерна прежде всего для регионов европейской и южной частей страны (рис. 3),

¹⁶ Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Февраль 2020 / В. Павлюшина [и др.] // Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/rus_feb_2020.pdf (дата обращения 29.06.2021).

Таблица 5. Масштабы распространения вторичной занятости в субъектах РФ в период 2001–2019 гг., %

Ранг	Субъект РФ	Год			Изменение за 2001–2019 гг., п. п.
		2001	2009	2019	
	Россия в целом	4,4	3,9	2,4	-2,0
1	Кабардино-Балкарская Республика	2,7	5,4	11,2	8,5
2	Республика Алтай	3,1	4,5	8,1	5,0
3	Кировская область	16,8	8,5	5,7	-11,1
4	Алтайский край	5,8	6,2	5,5	-0,3
5	Республика Ингушетия	-	3,7	5,5	1,8
6	Курганская область	11,0	4,6	5,4	-5,6
7	Омская область	8,8	5,8	5,4	-3,4
8	Республика Саха (Якутия)	6,1	4,6	5,3	-0,8
9	Оренбургская область	6,2	5,8	4,9	-1,3
10	Республика Карелия	3,2	4,1	4,7	1,5
	...				
30	Вологодская область	5,0	3,2	3,0	2,0
	...				
71	Брянская область	5,7	2,6	1,4	-4,3
72	Республика Тыва	3,2	4,9	1,3	-1,9
73	Чеченская Республика	-	0,6	1,3	0,7
74	Тульская область	1,8	1,7	1,3	-0,5
75	Республика Северная Осетия – Алания	3,1	11,0	1,2	-1,9
76	Тамбовская область	8,1	4,0	1,1	-7,0
77	г. Санкт-Петербург	0,6	1,1	1,1	0,5
78	Тюменская область	3,7	3,3	1,1	-2,6
79	Магаданская область	3,9	1,0	1,0	-2,9
80	г. Москва	0,8	1,3	0,7	-0,1
	Максимальное значение	16,8	12,1	11,2	-
	Минимальное значение	0,6	0,6	0,7	-
	Коэффициент вариации	51,0	44,5	55,0	-

Источник: данные Росстата.

что может объясняться большей концентрацией рабочей силы в отраслях сельского хозяйства. Принимая во внимание значения показателя в 2019 году, можно отметить, что 35 субъектов РФ имеют относительно низкий уровень распространения занятости в неформальном секторе (менее 20,7%), 41 – средний (от 20,7 до 41,4%), 4 – относительно высокий (более 41,4%). Следует подчеркнуть, что выделенные нами группы формируются исходя из конкретной ситуации в стране на определенный год. В этой связи проводить параллели с другими странами весьма сложно. Более того, на между-

народной арене отсутствует консолидированная точка зрения на сущность занятости в неформальном секторе [17; 18], что приводит к различиям при оценке ее масштабов в ходе деятельности национальных статистических агентств¹⁷.

Вторичная занятость

Согласно официальной статистике, масштабы вторичной занятости в современной России не превышают несколько процентов (табл. 5). При этом в динамике подобного рода практики встречаются все реже: если в 2001 году наличие дополнительной рабо-

¹⁷ Measuring informality: A statistical manual on the informal sector and informal employment. ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_222979.pdf (accessed 29.06.2021).

Рис. 4. Уровень распространения вторичной занятости в субъектах РФ, 2019 год

ты отмечали около 4% работников, то в 2019 году – чуть более 2%. Такие оценки существенно расходятся с результатами инициативных социологических опросов, которые показывают различия, достигающие 10 раз (без учета подработок). Это может быть обусловлено нежеланием респондентов рассказывать представителям госструктур о своей работе, в особенности, когда она является временной или связана с «теневым» сектором экономики [19, с. 76]. Поскольку вторичная занятость во многом призвана компенсировать ограниченность текущего заработка¹⁸, на сегодняшний день все более предпочтительными становятся серые схемы оплаты труда [20], в изучении которых весомая роль также отводится опросным данным.

Тем не менее именно сведения Росстата позволяют получить наилучшее представление о масштабах распространения вторичной занятости в субъектах РФ. По состоянию на 2019 год чаще всего к ней прибегают жители республик Кабардино-Балкарии (11%)

и Алтай (8%). Примечательно, что в начале 2000-х гг. в рамках данных территорий наблюдалась совсем иная картина: дополнительную работу имело всего 3% занятого населения. В настоящее время в большинстве регионов страны, в частности в г. Москве и г. Санкт-Петербурге, Тюменской и Магаданской областях, значения показателя едва ли превышают 2%. Различия на региональном уровне подтверждает и коэффициент вариации со значением 55%, что свидетельствует о гетерогенности выборочной совокупности. При этом за весь период исследования ситуация менялась незначительно. Масштабы вторичной занятости в Вологодской области составляют 3% (5% в 2001 году), что соответствует 30 месту среди 80 субъектов РФ.

Как видно из рис. 4, 64 региона России характеризуются относительно низким уровнем распространения вторичной занятости (менее 3,7%), еще 14 – могут быть отнесены к средней группе (от 3,7 до 11,1%). В ее состав входят территории всех федеральных окру-

¹⁸ Роцин С.Ю., Разумова Т.О. Вторичная занятость в России: моделирование предложения труда. М.: EERC, 2002. 72 с.

Таблица 6. Масштабы распространения занятости в ЛПХ в субъектах РФ в период 2001–2019 гг., %

Ранг	Субъект РФ	Год			Изменение за 2001–2019 гг., п. п.
		2001	2009	2019	
	Россия в целом	2,8	2,8	1,4	-1,4
1	Чеченская Республика	–	–	13,9	–
2	Тамбовская область	5,6	5,6	13,2	7,6
3	Кабардино-Балкарская Республика	0,8	0,8	10,1	9,3
4	Республика Дагестан	5,8	5,8	10,0	4,2
5	Республика Ингушетия	1,1	1,1	9,5	8,4
6	Республика Алтай	3,3	3,3	8,8	5,5
7	Карачаево-Черкесская Республика	6,9	6,9	6,0	-0,9
8	Белгородская область	10,4	10,4	5,7	-4,7
9	Республика Адыгея	3,8	3,8	4,6	0,8
10	Курская область	3,0	3,0	4,1	1,1
...					
71	Хабаровский край	1,7	1,7	0,3	-1,4
72	Камчатский край	0,6	0,6	0,2	-0,4
73	Свердловская область	1,8	1,8	0,2	-1,6
74	Вологодская область	2,4	2,4	0,1	-2,3
75	Тюменская область	1,7	1,7	0,1	-1,6
76	Мурманская область	0,4	0,4	0,1	-0,3
77	Удмуртская Республика	3,1	3,1	0,0	-3,1
78	Магаданская область	1,3	1,3	0,0	-1,3
79	г. Москва	0,1	0,1	0,0	-0,1
80	г. Санкт-Петербург	0,0	0,0	0,0	0,0
Максимальное значение		11,1	11,1	13,9	–
Минимальное значение		0,0	0,0	0,0	–
Коэффициент вариации		73,3	73,3	145,2	–

Источник: данные Росстата.

гов, за исключением Центрального. В свою очередь республики Алтай и Кабардино-Балкария, как уже говорилось выше, являются единственными субъектами с относительно высоким уровнем распространения вторичной занятости (более 11,1%).

Занятость в личном подсобном хозяйстве

Как и в случае с дополнительной работой, занятость в личном подсобном хозяйстве (ЛПХ) встречается крайне редко в условиях российского рынка труда (табл. 6). С 2001 по 2019 год значения показателя сократились на 1,4 п. п., достигнув отметки 1% общей численности работников. В то же время, как показывают исследования, еще несколько десятилетий назад деятельность в ЛПХ счи-

талась ведущей формой нестандартной занятости в стране и включала около четверти взрослого населения (до 40% в пик аграрного сезона) [21, с. 55]. Необходимо подчеркнуть, что такие различия в оценках связаны прежде всего не со снижением популярности подобного рода практик, а с иным взглядом на сущность рассматриваемого феномена. В рамках нашего исследования мы придерживаемся узкого подхода к его интерпретации и акцентируем внимание лишь на тех хозяйствах, продукция которых предназначена для реализации. По нашему мнению, такая позиция лучше соотносится с современными представлениями о занятости как трудовой деятельности, выполняемой в обмен на оплату или прибыль¹⁹. Так или иначе, данная

¹⁹ Резолюция I. Резолюция о статистике трудовой деятельности, занятости и недоиспользования рабочей силы // ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/normativeinstrument/wcms_235603.pdf (дата обращения 29.06.2021).

Рис. 5. Уровень распространения занятости в ЛПХ в субъектах РФ, 2019 год

тематика не пользуется особым интересом в современных научных работах, поэтому сведения о ее специфике представлены весьма скудно.

В 2019 году занятость в ЛПХ чаще всего встречалась в республиках Чечне (14%), Кабардино-Балкарии и Дагестан (по 10% соответственно), а также в Тамбовской области (13%), а реже всего – в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге, Магаданской области и Удмуртской Республике. Причем в каждом из приведенных примеров количеством выявленных наблюдений можно попросту пренебречь. С учетом обозначенных различий коэффициент вариации по всей выборке достигает 145%, что свидетельствует о самом высоком уровне дифференциации территорий по рассматриваемым показателям. Что касается динамики занятости в ЛПХ, то лидеры рейтинга продемонстрировали и самый заметный с 2001 года прирост значений показателя. Наиболее ярко выраженный отрицательный тренд отмечался в республиках Калмыкии (-8,9 п. п.) и Северной Осетии – Алании (-8,7 п. п.), Курганской (-6,7 п. п.) и Кировской (-6,3 п. п.) областях. Вологодская

область входит в число регионов с одним из самых низких показателей занятости в ЛПХ (менее 1% в 2019 году и 2% в 2001 году) и занимает 74 место.

Согласно данным рис. 5, подавляющее большинство субъектов РФ (72) характеризуется относительно низким уровнем распространения занятости в ЛПХ: значения индикатора не превышают 4,6%. В состав территорий со средним уровнем (от 4,6 до 9,3%) входят республики Алтай и Карачаево-Черкесия, а также Белгородская область. Группа с наибольшими масштабами распространения занятости в ЛПХ (более 9,3%) включает преимущественно национальные республики Северо-Кавказского федерального округа и Тамбовскую область.

Занятость не по найму

Удельный вес работающих не по найму в России за последние несколько лет практически не изменился и составляет 5% (табл. 7). Тем не менее в подавляющем большинстве субъектов была отмечена тенденция к увеличению такой занятости, которая не отразилась на общей ситуации в стране. На региональном уровне значения показателя хотя

Таблица 7. Масштабы распространения занятости не по найму в субъектах РФ в период 2013–2019 гг., %

Ранг	Субъект РФ	Год			Изменение за 2013–2019 гг., п. п.
		2013	2015	2019	
	Россия в целом	4,5	4,7	5,0	0,5
1	Республика Ингушетия	17,4	18,3	17,6	0,2
2	Чеченская Республика	13,1	12,5	14,4	1,3
3	Республика Дагестан	17,9	17,3	13,3	-4,6
4	Карачаево-Черкесская Республика	19,4	15,9	12,9	-6,5
5	Республика Калмыкия	8,1	6,9	12,1	4,0
6	Кабардино-Балкарская Республика	11,2	12,0	11,9	0,7
7	Ставропольский край	9,4	10,6	11,5	2,1
8	Республика Алтай	11,2	11,0	11,4	0,2
9	Краснодарский край	8,3	9,8	11,1	2,8
10	Республика Бурятия	5,6	5,1	8,5	2,9
	...				
30	Вологодская область	4,4	4,5	5,3	0,9
	...				
71	Хабаровский край	2,3	2,9	3,4	1,1
72	Забайкальский край	4,8	3,9	3,2	-1,6
73	Республика Коми	5,0	3,5	3,1	-1,9
74	Самарская область	2,5	2,8	3,1	0,6
75	Мурманская область	2,4	3,2	3,1	0,7
76	Московская область	3,0	3,0	3,0	0,0
77	Тульская область	4,0	4,0	2,9	-1,1
78	г. Санкт-Петербург	1,5	1,5	2,7	1,2
79	г. Москва	1,4	1,6	1,6	0,2
80	Чукотский автономный округ	2,8	1,6	0,3	-2,5
	Максимальное значение	19,4	18,3	17,6	–
	Минимальное значение	1,4	1,5	0,3	–
	Коэффициент вариации	60,9	59,3	52,6	–

Примечание. Выбор временного интервала обусловлен отсутствием данных за более продолжительный период.
Источник: данные Росстата.

и варьируются от 1 (Чукотский автономный округ) до 18% (Республика Ингушетия), в динамике также демонстрируют определенную стабильность, в результате чего верхняя и нижняя границы интервала остаются практически неизменными. Коэффициент вариации, равный 53%, свидетельствует о неоднородности выборочной совокупности, однако и не столь явной, как в предыдущих примерах. Занятость в сфере предпринимательской деятельности среди вологжан соответствует среднероссийским тенденциям. В 2013–2019 гг. значения индикатора устойчиво находились в диапазоне 4–5%, что на конец рассматриваемого периода соответствовало 30 месту среди 80 субъектов РФ.

По состоянию на 2019 год большинство регионов России (57) относится к территориям с относительно низким уровнем распространения занятости не по найму (менее 5,9%; *рис. 6*). Средний уровень (от 5,9 до 11,7%) наблюдается в 17 субъектах преимущественно южной части страны, а относительно высокий (более 11,7%) отмечается в пяти национальных республиках Северного Кавказа, а также в Республике Калмыкии. Как представляется, такое распределение территорий обусловлено тем, что показатели занятости в неформальном секторе тесно связаны друг с другом, поскольку и в том, и в другом случае речь идет в основном о деятельности мелких хозяйственных единиц.

Рис. 6. Уровень распространения занятости не по найму в субъектах РФ, 2019 год

Таблица 8. Корреляционная матрица показателей, характеризующих различные формы занятости

Форма занятости	Неполная занятость	Сверхзанятость	Занятость в неформальном секторе	Вторичная занятость	Занятость в ЛПХ	Занятость не по найму
Неполная занятость	1,000					
Сверхзанятость	0,133	1,000				
Занятость в неформальном секторе	0,827	0,196	1,000			
Вторичная занятость	0,395	0,293	0,419	1,000		
Занятость в ЛПХ	0,886	-0,009	0,729	0,327	1,000	
Занятость не по найму	0,780	0,123	0,877	0,450	0,648	1,000

Источник: данные Росстата.

Для уточнения данного тезиса воспользуемся методом корреляционного анализа. Расчет соответствующих коэффициентов осуществлялся по 80 субъектам РФ за 2019 год для всех обозначенных в статье индикаторов, что также позволило выявить взаимосвязи и между другими формами занятости.

Полученные результаты свидетельствуют о наличии сильной прямой связи между показателями занятости в неформальном секторе и не по найму: значение коэффициента корреляции составляет 0,877 ед. (табл. 8). Деятельность в ЛПХ практически в равной степени характеризуется взаимообуслов-

ленностью с каждой из обозначенных форм занятости, хотя и не так ярко выраженной (0,729 и 0,648 ед. соответственно). В свою очередь эти три формы занятости находятся в тесной связи с сокращенным рабочим временем (0,827, 0,780 и 0,886 ед. соответственно). В случае со сверх- и вторичной занятостью зависимости носят в лучшем случае умеренный характер. Исходя из этого можно констатировать многогранность характера нестандартных форм трудовых отношений. В частности, неполное рабочее время часто сочетается с занятостью в неформальном секторе, в ЛПХ и не по найму, в то время как наличие дополнительной работы нередко наблюдается у работников, основной род деятельности которых связан с некорпоративной экономикой.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ показал, что развитие нестандартной занятости в России проходит неравномерно не только в разрезе ее конкретных форм, но и на региональном уровне. Все большее распространение получает занятость в неформальном секторе, охват которой составляет порядка 20% общей численности работников, а в таких республиках, как Ингушетия, Кабардино-Балкария и Чечня, достигает 50% и выше. В остальных же случаях, напротив, масштабы не столь существенны (не превышают 10% за исследуемый период) и имеют тенденцию к снижению. Однако из-за высокой межрегиональной дифференциации в ряде субъектов РФ наблюдается прямо противоположная картина. Так, в Калининградской области отмечается позитивная динамика сверхзанятости (+7,8 п. п.), в Тамбовской области – занятости в ЛПХ (+7,7 п. п.), в Республике Калмыкии – занятости не по найму (+4,0 п. п.) и т. д. Таких примеров можно привести достаточно много. Вместе с тем даже в такой ситуации популярность большинства из рассмотренных форм трудовых отношений напрямую связана с развитием некорпоративной экономики, о чем свидетельствуют данные корреляционного анализа. Примечательно также,

что нестандартная занятость чаще всего встречается в наименее благополучных регионах страны (за исключением сверхзанятости, что, по всей видимости, обусловлено несовершенством имеющейся статистики), поэтому можно с осторожностью сделать вывод о негативной коннотации таких практик в России в силу различных обстоятельств: от несовершенства трудового законодательства, препятствующего обеспечению социальной защиты работников, до особенностей отечественной системы организации труда. О неустойчивости и незащищенности нестандартной занятости, в частности, говорится в докладах Федеральному Собранию РФ²⁰.

Результаты проведенного исследования способствуют углублению понимания специфики протекания глобального процесса трансформации занятости в современной России, одним из важнейших проявлений которого выступает развитие нестандартных форм трудовых отношений. Данные официальной статистики наглядно продемонстрировали стабильность сложившихся практик участия населения в оплачиваемой общественно полезной деятельности. При этом в отдельных регионах страны ситуация заметно изменилась, в особенности в отношении занятости в неформальном секторе. Это открывает огромный простор для последующего анализа, поскольку выявленные тенденции могут носить временный характер и представлять собой последовательный процесс дестандартизации занятости. В этом плане необходимо расширение горизонта исследования посредством проведения инициативных социологических опросов, направленных прежде всего на изучение таких форм занятости, которые не нашли отражения в официальной статистике (неформальная, платформенная и т. д.). Все это позволит сформировать целостное видение будущего сферы труда в России со всеми его возможностями и угрозами и на этой основе разработать рекомендации по совершенствованию институтов рынка труда и социальной политики в целом.

²⁰ Аналитический вестник. М.: Издание Государственной Думы, 2020. 45 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kalleberg A.L., Vallas S. Probing precarious work: Theory, research, and politics. *Precarious Work (Research in the Sociology of Work, vol. 31)*. Eds. by A. Kalleberg, S. Vallas. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2018. Pp. 1–30.
2. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Нестандартная занятость и российский рынок труда. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 36 с.
3. Kalleberg A.L. Nonstandard employment relations: Part-time, temporary and contract work. *Annual Review of Sociology*, 2000, vol. 26 (1), pp. 341–365.
4. Бобков В.Н. Характеристики неустойчивости стандартной и нестандартной занятости в современной России // Мир новой экономики. 2018. № 12 (3). С. 128–139. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-3-128-139
5. Felstead A., Jewson N. Flexible labour and non-standard employment: An agenda of issues. *Global Trends in Flexible Labour: Critical Perspectives on Work and Organisations*. Eds. by A. Felstead, N. Jewson. London: Macmillan. Pp. 1–20.
6. Matsaganis M., Özdemir E., Ward T., Zvakou A. *Non-standard Employment and Access to Social Security Benefits. Research note 8/2015*. Brussels, Belgium: European Commission, 2016. 43 p.
7. Green A., Livanos I. Involuntary non-standard employment in Europe. *European Urban and Regional Studies*, 2017, vol. 24 (2), pp. 175–192. Available at: <https://doi.org/10.1177/0969776415622257>
8. Прекариат: становление нового класса / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр соц. прогнозирования и маркетинга, 2020. 400 с.
9. Тонких Н.В., Камарова Т.А. Исследование нестандартной занятости на территории Свердловской области: методика, результаты апробации // Вестн. Омск. ун-та. Сер.: Экономика. 2015. № 2. С. 164–172.
10. Лапина Т.А., Коржова О.С. Динамика видов нестандартной занятости в Омской области в 2010–2015 гг. // Вестн. Омск. ун-та. Сер.: Экономика. 2017. № 4 (60). С. 162–171.
11. Попов А.В. Работники стандартной и нестандартной форм занятости на региональном рынке труда // Социальное пространство. 2017. № 1 (8). URL: <http://socialarea-journal.ru/article/2189> (дата обращения 29.06.2021).
12. Холодова О.А. Неполный рабочий день как способ увеличения занятости населения // Экономика труда. 2016. Т. 3. № 4. С. 359–370.
13. Цыганкова И.В., Базжина В.А., Никишина О.Ю. Развитие нестандартных форм занятости в современной России // Российское предпринимательство. 2014. Т. 15. № 24. С. 71–86.
14. Клименко Л.В., Посухова О.Ю. Гендерные аспекты прекариатизации труда в российском обществе // Женщина в российском обществе. 2017. № 1 (82). С. 29–40.
15. Гимпельсон В.Е. Занятость в неформальном секторе в России: угроза или благо? М.: ГУ ВШЭ, 2002. 52 с.
16. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Самозанятость на современном рынке труда // Социально-трудовые исследования. 2019. № 36 (3). С. 18–29. DOI: 10.34022/2658-3712-2019-36-3-18-29
17. Kucera D., Roncolato L. Informal employment: Two contested policy issues. *International Labour Review*, 2008, vol. 147 (4), pp. 321–348.
18. Williams C.C., Lansky M.A. Informal employment in developed and developing economies: Perspectives and policy responses. *International Labour Review*, 2013, vol. 152 (3-4), pp. 355–380.
19. Кученкова А.В. Вторичная занятость в контексте процессов прекаризации на российском рынке труда // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 73–83. DOI: 10.31857/S013216250006659-7

20. Попов А.В. Основные тенденции и особенности занятости населения в современной России // Социальное пространство. 2020. Т. 6. № 5. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28767>. DOI: 10.15838/sa.2020.5.27.3 (дата обращения 29.06.2021).
21. Капелюшников Р.И. Занятость в домашних хозяйствах населения. Препринт WP3/2005/01. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 60 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Васильевич Попов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ai.popov@yahoo.com

Popov A.V.

THE SCALE AND FEATURES OF SPREADING VARIOUS FORMS OF NON-STANDARD EMPLOYMENT IN RUSSIA'S ENTITIES

In the context of increasing global challenges that have a direct impact on the development of the economy and society, employment issues are becoming particularly relevant. This is confirmed by the emergence of a broad discussion about the future of labor sphere and, as a result, the formation of a large number of contradictory scenario models that somehow declare the formation of a new image of labor relations. Despite the institutional differences between countries, transformational shifts in the practices of public participation in paid socially useful activities have been observed everywhere over the previous decades. Under the influence of many factors that caused changes in the supply and demand for labor, the standard employment model, traditional for industrial economies of the 20th century, began fading into the background giving way to flexible forms of labor relations. Due to the lack of research devoted to the peculiarities of the development of this process in the Russia's entities, the purpose of this article is to determine the dynamics and extent of spreading certain forms of non-standard employment at the regional level. They included: underemployment, overemployment, employment in the informal sector, secondary, employment in a personal subsidiary farm and self-employment. The analysis shows that the spread of non-standard employment occurs unevenly both in the entities of Russia and in the context of its specific forms. The most widespread is employment in the informal sector the scale of which is about 20%. Among the other forms of labor relations, only part-time and overemployment, as well as self-employment, are distinguished. It is worth emphasizing that non-standard employment primarily affects the least prosperous of the country's entities from the point of view of economic development (except overemployment). The main limitation of the study is related to the use of exclusively official statistics data which significantly narrows the range of considered employment aspects, but allows getting closer to understanding the scale and territorial differences in the dynamics of the phenomenon.

Non-standard employment, regions of Russia, labor market, employment, part-time employment, overemployment, informal sector, secondary employment.

REFERENCES

1. Kalleberg A.L., Vallas S. Probing precarious work: Theory, research, and politics. *Precarious Work (Research in the Sociology of Work, vol. 31)*. Eds. by A. Kalleberg, S. Vallas. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2018. Pp. 1–30.
2. Gimpel'son V.E., Kapelyushnikov R.I. *Nestandartnaya zanyatost' i rossiiskii rynek truda* [Non-Standard Employment and the Russian Labor Market]. Moscow: SU HSE, 2005. 36 p.
3. Kalleberg A.L. Nonstandard employment relations: Part-time, temporary and contract work. *Annual Review of Sociology*, 2000, vol. 26 (1), pp. 341–365.
4. Bobkov V.N. Characteristics of instability of standard and non-standard employment in contemporary Russia. *Mir novoi ekonomiki=The World of New Economy*, 2018, no. 12 (3), pp. 128–139. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-3-128-139 (in Russian).
5. Felstead A., Jewson N. Flexible labour and non-standard employment: An agenda of issues. *Global Trends in Flexible Labour: Critical Perspectives on Work and Organisations*. Eds. by A. Felstead, N. Jewson. London: Macmillan. Pp. 1–20.
6. Matsaganis M., Özdemir E., Ward T., Zvakou A. *Non-standard Employment and Access to Social Security Benefits. Research note 8/2015*. Brussels, Belgium: European Commission, 2016. 43 p.
7. Green A., Livanos I. Involuntary non-standard employment in Europe. *European Urban and Regional Studies*, 2017, vol. 24 (2), pp. 175–192. Available at: <https://doi.org/10.1177/0969776415622257>
8. Ed. by Toshchenko Zh.T. *Prekariat: stanovlenie novogo klassa* [Precariat: the Emergence of a New Class]. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing, 2020. 400 p.
9. Tonkikh N.V., Kamarova T.A. The study of non-standard employment of the Sverdlovsk region: the methodology, the results of testing. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika=Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2015, no. 2, pp. 164–172 (in Russian).
10. Lapina T.A., Korzhova O.S. The dynamics of the types of non-standard employment in the Omsk region in 2010–2015. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika=Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2017, no. 4 (60), pp. 162–171 (in Russian).
11. Popov A.V. Employees of standard and non-standard forms of employment on the regional labor market. *Sotsial'noe prostranstvo=Social Area*, 2017, no. 1 (8). Available at: <http://socialarea-journal.ru/article/2189> (accessed: June 29, 2021; in Russian).
12. Kholodova O.A. Half-day job as a way for employment increase. *Ekonomika truda=Labor Economics*, 2016, vol. 3, no. 4, pp. 359–370 (in Russian).
13. Tsigankova I.V., Bazzhina V.A., Nikishina O.Y. Developing types of non-standard employment in contemporary Russia. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo=Russian Entrepreneurship*, 2014, vol. 15, no. 24, pp. 71–86 (in Russian).
14. Klimenko L.V., Posukhova O.Yu. Gender aspects of precarization of labour in Russian society. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve=Woman in Russian Society*, 2017, no. 1 (82), pp. 29–40 (in Russian).
15. Gimpel'son V.E. *Zanyatost' v neformal'nom sektore v Rossii: ugroza ili blago?* [Employment in the Informal Sector in Russia: Threat or Benefit?]. Moscow: SU HSE, 2002. 52 p.
16. Poida A.N., Zybunovskaya N.V. Self-employment in contemporary labor market. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*, 2019, no. 36 (3), pp. 18–29. DOI: 10.34022/2658-3712-2019-36-3-18-29 (in Russian).
17. Kucera D., Roncolato L. Informal employment: Two contested policy issues. *International Labour Review*, 2008, vol. 147 (4), pp. 321–348.

18. Williams C.C., Lansky M.A. Informal employment in developed and developing economies: Perspectives and policy responses. *International Labour Review*, 2013, vol. 152 (3-4), pp. 355–380.
19. Kuchenkova A.V. Secondary employment in the context of precarization on the Russian labor market. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 2019, no. 9, pp. 73–83. DOI: 10.31857/S013216250006659-7 (in Russian).
20. Popov A.V. Main employment trends and features in modern Russia. *Sotsial'noe prostranstvo=Social Area*, 2020, vol. 6, no. 5. Available at: <http://socialarea-journal.ru/article/28767>. DOI: 10.15838/sa.2020.5.27.3 (accessed: June 29, 2021; in Russian).
21. Kapelyushnikov R.I. *Zanyatost' v domashnikh khozyaistvakh naseleniya. Preprint WP3/2005/01* [Employment in Households of Population. Preprint WP3/2005/01]. Moscow: SU HSE, 2005. 60 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrei V. Popov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ai.popov@yahoo.com